ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе къ журналу

„Православная Русь".

3

МАРТЪ. 1960 MARCH

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.

Second-class postage paid at Jordanville, New York.

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE
at the GRADUATE
THEOLOGICAL UNION

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово въ 5-ю недѣлю Великаго поста. Приснопамятнаго архіеп. Симона. 3
Свидѣтельство истины. Составлено П. М. Чижовымъ. 6
Изъ Великаго Канона. Стихотвореніе В. Утренева. 10
Судьбы народовъ и всего человѣчества. Прот. Ф. Жолткевича. 13
Молитва. Стихотвореніе Зинаиды Макушинской. 17
«Ученіе и учитель» въ изображеніи К. П. Побѣдоносцева. Н. Тальберга. 18
Передъ исповѣдью. Стихотвореніе Киры Л. 23

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Житіе преподобнаго Исихія-постника. М. В. 24
Память святаго священномученика Ипатія-чудотворца, епископа Гангрскаго. М. В. 25
«Царь ѣдетъ!» Ир. Флегинской. 26
Осанна въ вышнихъ. Стихотвореніе М. В. 29

Училище благочестія.

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова. О смиреніи. 30

Имѣется на складѣ:

БОГОСЛУЖЕБНАЯ

ПСАЛТИРЬ

напечатанная фотографическимъ способомъ, крупнымъ церковно-славянскимъ шрифтомъ, съ киноварью, на хорошей бумагѣ. Всѣ стихи напечатаны отдѣльно. Послѣ каждой каѳизмы помѣщены положенныя молитвы и тропари. Въ концѣ имѣются: Пѣсни, Избранные псалмы и величанія, Послѣдованіе по исходѣ души отъ тѣла, Помянникъ, и Чинъ, како подобаетъ пѣти дванадесять псалмовъ. — 506 стр.

Цѣна въ листахъ $ 6.00

въ хорошемъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ $ 8.50

Великій Канонъ.

ТВОРЕНІЕ СВ. АНДРЕЯ КРИТСКАГО,

чтомый въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвертокъ первой седмицы Великаго Поста, и въ среду вечеромъ на 5-й седмицѣ Великаго Поста, съ приложеніемъ Житія преподобной Маріи Египетской, великій покаянный подвигъ которой прославляется св. Церковью въ эти святые дни поста.

Стоимость этой книги — 1.00 долларъ.

Слово въ 5-ю недѣлю Великаго поста.

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

16/29 марта 1931 года.

Пятая недѣля Великаго поста посвящается памяти преподобной Маріи Египетской. Потому установлено совершать въ настоящую недѣлю память преподобной Маріи, что она является образцомъ покаянія. Святая Церковь уже много предложила намъ поучительнаго, располагающаго къ покаянію — въ своихъ пѣснопѣніяхъ и чтеніяхъ за прошедшее время поста, и какъ бы въ завершеніе всего представляетъ нынѣ образецъ покаянія.

Юность свою преподобная Марія провела въ грѣхахъ, въ безумномъ распутствѣ. Въ 12-лѣтнемъ возрастѣ оставивъ родительскій домъ, она 17 лѣтъ жила въ Александріи въ полномъ отчужденіи отъ Бога. Но милостивый Богъ Самъ привелъ ее къ спасенію. Совершилось это такъ.

Увидѣла Марія, что собирается много народа на готовящійся къ плаванію корабль. Изъ любопытства спросила она, куда отправляется этотъ корабль и почему собирается на него такъ много народа. Ей объяснили, что корабль отправляется въ Святую Землю и что собирающійся народъ спѣшитъ туда ко дню поклоненія Животворящему Древу Креста Господня. У Маріи явилось желаніе тоже поѣхать во Святую Землю, не изъ религіознаго чувства, а просто, быть можетъ, ради того, чтобы побыть среди того множества людей, какое было на кораблѣ. И дѣйствительно, во время плаванія она вела себя не какъ паломница, а какъ блудница.

По прибытіи въ Іерусалимъ, когда насталъ день поклоненія Животворящему Древу Креста Господня, направилась къ храму вмѣстѣ съ другими и Марія. Но какая то невидимая сила препятствовала ей войти въ храмъ: она нѣсколько разъ была оттѣсняема отъ входа и не могла войти. Это поразило ее. Тутъ взоръ ея встрѣтилъ ликъ Богоматери — она увидѣла въ церковномъ притворѣ, гдѣ она была, на стѣнѣ икону Божіей Матери. Припавъ предъ иконой, Марія съ горькими слезами покаянія начала просить Пресвятую Дѣву поручиться за нее предъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, что она исправитъ жизнь свою, и допустить ее

поклониться Животворящему Древу. Вдохновленная этой молитвою, Марія, съ упованіемъ на милость Божію, дерзнула войти въ храмъ и безпрепятственно вошла. Затѣмъ, поклонившись Животворящему Древу Креста и причастившись Св. Таинъ, Марія съ небольшимъ запасомъ пищи переправилась черезъ Іорданъ и ушла въ глубину пустыни съ твердымъ намѣреніемъ всю остальную жизнь употребить на исправленіе, на очищеніе отъ грѣховныхъ страстей. 48 лѣтъ провела Марія въ подвигахъ поста и молитвы въ пустынѣ Іорданской. Предъ блаженной кончиной она причастилась Святыхъ Таинъ отъ преподобнаго Зосимы, который встрѣтилъ ее въ пустынѣ и который потомъ и похоронилъ ее тамъ (520 г.).

Вотъ, преподобная Марія до своего обращенія жила среди многолюдства, стремилась туда, гдѣ люди искали веселья и наслажденій. Но она была одинока: въ окружавшемъ ее многолюдствѣ она не имѣла духовной опоры, чтобы положить себѣ какое либо разумное намѣреніе и исполнить его. Это одиночество свое ощутила Марія когда, придя въ Іерусалимъ, гдѣ совершалось поклоненіе Древу Креста Господня, Марія среди другихъ людей подходила къ дверямъ церковнымъ, но эта самая окружавшая ее толпа людей оттѣсняла ее, она не могла войти, и никто не обратилъ вниманія и не помогъ ей войти въ храмъ.

Когда же Марія, съ сокрушеніемъ сердца о грѣхахъ своихъ обѣщая исправить жизнь свою, помолилась предъ иконой Богоматери, прося Пресвятую Дѣву быть поручительницею за нее предъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, тогда ощутила она сердцемъ своимъ, что она уже не одна. И въ увѣренности, что Пресвятая Дѣва могущественной рукой ведетъ ее ко спасенію, Марія оставляетъ населенныя мѣста и идетъ въ пустыню. Вотъ, пока Марія была въ отчужденіи отъ Божественной жизни, она и среди городскаго многолюдства была одинока и безпомощна, когда же молитвою и покаяніемъ пріобщилась къ благодатной церковной жизни, тогда получила силу жить и въ пустынѣ — почти безъ пищи и безъ одежды.

Въ житіи преподобной Маріи дается намъ образъ, какъ слѣдуетъ православнымъ людямъ, разсѣяннымъ по міру, строить жизнь свою: что цѣнить и чѣмъ пренебрегать, чего искать и отъ чего отвращаться, чѣмъ дорожить и чего гнушаться.

Цѣнить нужно жизнь, а пренебрегать наживой. Преподобная Марія, возревновавъ о спасеніи души своей, оставила все то, что было для нея источникомъ веселой и шумной жизни, и положила себѣ намѣреніе всѣ остальные дни жизни своей употребить на исправленіе грѣховной жизни своей, на очищеніе отъ страстей. Вотъ жизнь: исправлять свои взгляды, пріобрѣтать добрые навыки, со-

здавать въ себѣ добродѣтельныя расположенія — такое достояніе во вѣки не отнимется. А нажива, успѣхъ въ житейскихъ дѣлахъ — сегодня есть, а завтра уже нѣтъ.

Искать нужно законнаго руководства, прося милости и прощенія себѣ за допущенные грѣхи и ошибки, а отъ всякой дерзости, отъ осужденія, гнѣва и раздраженія на окружающихъ нужно отвращаться. Преподобная Марія не негодуетъ на толпу людей, которая оттѣсняетъ ее отъ входа церковнаго, но съ сокрушеннымъ сердцемъ припадаетъ къ иконѣ Богоматери, исповѣдуя грѣхи свои и прося прощенія, и черезъ это пріобщается она къ церковной жизни и получаетъ благодатную силу. Вотъ залогъ способности человѣка стать живымъ членомъ богоугоднаго общества: это смиренное мнѣніе о себѣ и готовность подчиниться законному руководству.

Дорожить православному христіанину нужно вѣрностью души своей предъ Богомъ и всѣми людьми, и гнушаться всякаго вида измѣны. Преподобная Марія, не полагаясь на свои силы, просила Пресвятую Дѣву быть поручительницей за нее, что сохранитъ она вѣрность своему обѣту исправить жизнь, и не посрамилась она въ упованіи своемъ на благодатную помощь.

Въ настоящее время православныхъ русскихъ людей, разсѣянныхъ по міру, со всѣхъ сторонъ окружаютъ соблазны: прельщаясь запрещеннымъ плодомъ, многіе погрѣшаютъ противъ долга своего званія, иные нарушаютъ супружескую вѣрность, а есть и такіе, которые отъ православной вѣры отступаютъ. Вотъ, чтобы сохранить вѣрность души своей, всякому православному человѣку нужно связать себя разумными обѣтами подъ руководствомъ отца духовнаго и свято исполнять эти обѣты.

Итакъ, будемъ внимательны, чтобы знать, что именно цѣнно, и что суетно, искать будемъ Божіей правды, а отъ своего мудрованія отвращаться, и будемъ наблюдать, чтобы не было въ насъ сердца лукаваго и невѣрнаго, и не отступить бы намъ отъ Бога Живаго (Евр. 3, 12).

Свидѣтельство истины.

IV

Хвалите Господа, всѣ народы, прославляйте Его, всѣ племена, ибо велика милость Его къ намъ, и истина Господня во вѣкъ. Аллилуія [1]).

— Явилъ Господь спасеніе Свое, открылъ предъ очами народовъ правду Свою. Вспомнилъ Онъ милость Свою и вѣрность Свою... Всѣ концы земли увидѣли спасеніе Бога нашего [2]).

— Превозносите Господа, Бога нашего... Ибо святъ Господь Богъ нашъ [3]).

— Воскликните Господу, вся земля! Служите Господу съ веселіемъ, идите предъ лице Его съ восклицаніемъ! Познайте, что Господь есть Богъ, что Онъ сотворилъ насъ, и мы — Его. Его народъ и овцы, паствы Его... Славьте Его, благословляйте имя Его! Ибо благъ Господь: милость Его во вѣкъ, и истина Его въ родъ и родъ [4]).

— Славьте Господа, ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его. Кто изречетъ могущество Господа, возвѣститъ всѣ дѣла Его? [5])

— Славьте Господа, ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его! Такъ да скажутъ избавленные Господомъ, которыхъ избавилъ Онъ отъ руки врага [6]).

— Терпѣли голодъ и жажду, душа ихъ истаевала въ нихъ, но воззвали къ Господу въ скорби своей, и Онъ избавилъ ихъ отъ бѣдствій ихъ. И повелъ ихъ прямымъ путемъ... Да славятъ Господа за милость Его, и за чудныя дѣла Его для сыновъ человѣческихъ [7]).

— Ибо насытилъ душу жаждущую и душу алчущую исполнилъ благами. Они сидѣли во тьмѣ и тѣни смертной... ибо не покорялись словамъ Божіимъ и небрегли о волѣ Всевышняго. Онъ смирилъ сердце ихъ работами... они преткнулись и не было помогающаго. Но воззвали къ Господу въ скорби своей, и Онъ спасъ ихъ отъ бѣдствій ихъ; вывелъ ихъ изъ тьмы и тѣни смертной и расторгнулъ узы ихъ [8]).

— Безразсудные страдали за беззаконные пути свои и за неправды свои... и они приближались ко вратамъ смерти. Но воззвали къ Господу въ скорби своей, и Онъ спасъ ихъ отъ бѣдствій ихъ; послалъ слово Свое и исцѣлилъ ихъ, и избавилъ ихъ отъ могилъ ихъ. Да славятъ Господа за милость Его и за чудныя дѣла Его для сыновъ человѣческихъ. Да приносятъ Ему жертву хвалы, и да возвѣщаютъ о дѣлахъ Его съ пѣніемъ [9]).

— Отправляющіеся на корабляхъ въ море, производящіе дѣла на большихъ водахъ — видятъ дѣла Господа и чудеса Его въ пучинѣ: Онъ речетъ, — и возстаетъ бурный вѣтеръ, и высоко поднимаетъ волны его, — восходятъ до небесъ, нисходятъ до бездны; душа ихъ истаеваетъ въ бѣдствіи. Они кружатся и шата-

ются, какъ пьяные, и вся мудрость ихъ, исчезаетъ. Но воззвали къ Господу въ скорби своей, и Онъ вывелъ ихъ изъ бѣдствій ихъ. Онъ превращаетъ бурю въ тишину, и волны умолкаютъ. И веселятся, что онѣ утихли, и Онъ приводитъ ихъ къ желаемой пристани. Да славятъ Господа за милость Его и за чудныя дѣла Его для сыновъ человѣческихъ [10]).

— Онъ превращаетъ рѣки въ пустыню и источники водъ — въ сушу. Землю плодородную — въ солончатую, за нечестіе живущихъ на ней. Онъ превращаетъ пустыню въ озеро, и землю изсохшую въ источники водъ; и поселяетъ тамъ алчущихъ, и они строятъ городъ для обитанія; засѣваютъ поля, насаждаютъ виноградники, которые приносятъ имъ обильные плоды. Онъ благословляетъ ихъ, и они весьма размножаются . . . [11]).

— Праведники видятъ сіе, и радуются, а всякое нечестіе заграждаетъ уста свои. Кто мудръ, тотъ замѣтитъ сіе, и уразумѣетъ милость Господа [12]).

— Воскликните Богу, вся земля. Пойте славу имени Его; воздайте славу, хвалу Ему. Благословите, народы, Бога нашего, и провозгласите хвалу Ему. Онъ сохранилъ душѣ нашей жизнь . . . [13]).

— Пойте Богу нашему, пойте имени Его, превозносите шествующаго на небесахъ; имя Ему: Господь; и радуйтесь предъ лицемъ Его. Отецъ сиротъ и судія вдовъ Богъ во святомъ Своемъ жилищѣ [14]).

— Воспойте Господу . . . вся земля. Пойте Господу, благословляйте имя Его, благовѣствуйте со дня на день спасеніе Его! Возвѣщайте въ народахъ славу Его, во всѣхъ племенахъ чудеса Его! Ибо великъ Господь и достохваленъ, страшенъ Онъ паче всѣхъ боговъ, ибо всѣ боги народовъ — идолы, а Господь небеса сотворилъ. Слава и величіе предъ лицемъ Его . . . Воздайте Господу, племена народовъ. Воздайте Господу славу и честь [15]).

— Воздайте славу Богу нашему. Онъ твердыня; совершенны дѣла Его, и всѣ пути Его праведны. Богъ вѣренъ, и нѣтъ неправды въ Немъ; Онъ праведенъ и истиненъ [16]).

— Законъ Господа — совершенъ, укрѣпляетъ душу, откровеніе Господа — вѣрно, умудряетъ простыхъ. Повелѣнія Господа — праведны, веселятъ сердце; заповѣдь Господа — свѣтла, просвѣщаетъ очи. Страхъ Господень — чистъ, пребываетъ во вѣкъ. Суды Господни истина, всѣ праведны [17]).

— Велики дѣла Господни, вожделѣнны для всѣхъ, любящихъ оные. Дѣло Его — слава и красота, и правда Его пребываетъ во вѣкъ. Памятными содѣлалъ Онъ чудеса Свои; милостивъ и щедръ Господь. Пищу даетъ боящимся Его; вѣчно помнитъ завѣтъ Свой. Силу дѣлъ Своихъ явилъ Онъ народу Своему, чтобы дать ему наслѣдіе язычниковъ. Дѣла рукъ Его и истина и судъ; всѣ заповѣди Его вѣрны, тверды на вѣки и вѣки, основаны на истинѣ и правотѣ. Избавленіе послалъ Онъ народу Своему; заповѣдалъ

на вѣки завѣтъ Свой. Свято и страшно имя Его! [18]).

— Милостивъ Господь и праведенъ, и милосердъ Богъ нашъ. Хранитъ Господь простодушныхъ... [19]).

— Господь творитъ правду и судъ всѣмъ обиженнымъ... Щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ. Не до конца гнѣвается и не вовѣкъ негодуетъ. Не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ намъ, и не по грѣхамъ нашимъ воздалъ намъ. Ибо, какъ высоко небо надъ землею, такъ велика милость Господа къ боящимся Его; какъ далеко востокъ отъ запада, такъ удалилъ Онъ отъ насъ беззаконія наши. Какъ отецъ милуетъ сыновъ, такъ милуетъ Господь боящихся Его. Ибо Онъ знаетъ составъ нашъ, помнитъ, что мы — персть. Дни человѣка, какъ трава; какъ цвѣтъ полевой, такъ онъ цвѣтетъ. Пройдетъ надъ нимъ вѣтеръ, и нѣтъ его... Милость же Господня отъ вѣка и до вѣка къ боящимся Его. И правда Его на сынахъ сыновъ, хранящихъ завѣтъ Его и помнящихъ заповѣди Его, чтобы исполнять ихъ. Господь на небесахъ поставилъ престолъ Свой, и царство Его всѣмъ обладаетъ. Благословите Господа, всѣ ангелы Его, крѣпкіе силою, исполняющіе слово Его, повинуясь гласу слова Его. Благословите Господа, всѣ воинства Его, служители Его, исполняющіе волю Его. Благословите Господа, всѣ дѣла Его, во всѣхъ мѣстахъ владычества Его [20]).

— Высокъ Господь, и смиреннаго видитъ, и гордаго узнаетъ издалека [21]).

— Великъ Господь и достохваленъ, и величіе Его неизслѣдимо [22]).

— Благъ Господь ко всѣмъ, и щедроты Его на всѣхъ дѣлахъ Его [23]).

— Господь поддерживаетъ всѣхъ падающихъ и возставляетъ всѣхъ низверженныхъ. Праведенъ Господь во всѣхъ путяхъ Своихъ и благъ во всѣхъ дѣлахъ Своихъ. Близокъ Господь ко всѣмъ призывающимъ Его... въ истинѣ. Желаніе боящихся Его Онъ исполняетъ, вопль ихъ слышитъ, и спасаетъ ихъ [24]).

— Воздайте Господу славу имени Его... Господь возсѣдалъ надъ потопомъ, и будетъ возсѣдать Господь царемъ во вѣкъ. Господь дастъ силу народу Своему; Господь благословитъ народъ Свой миромъ [25]).

— Славьте Господа; призывайте имя Его; возвѣщайте въ народахъ дѣла Его. Воспойте Ему, и пойте Ему; повѣдайте о всѣхъ чудесахъ Его. Хвалитесь именемъ Его святымъ; да веселится сердце ищущихъ Господа. Ищите Господа и силы Его, ищите лица Его всегда. Воспоминайте чудеса Его, которыя сотворилъ, знаменія Его и суды устъ Его. Вы, сѣмя Авраамово... избранные Его. Онъ Господь нашъ: по всей землѣ суды Его. Вѣчно помнитъ завѣтъ Свой, слово, которое заповѣдалъ въ тысячу родовъ [26]).

— Благословенны вы Господомъ, сотворившимъ небо и землю. Небо, небо Господу, а землю Онъ далъ сынамъ человѣческимъ. Не мертвые восхвалятъ Господа, ни всѣ нисходящіе въ могилу; но мы будемъ благословлять Господа отнынѣ и вовѣкъ [27]).

— Славьте Господа, ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его. Славьте Бога боговъ... Славьте Господа господствующихъ... Того, Который Одинъ творитъ чудеса великія... Который сотворилъ свѣтила великія... Солнце — для управленія днемъ... Луну рилъ свѣтила великіе... Солнце — для управленія днемъ... Луну и звѣзды — для управленія ночью... Даетъ пищу всякой плоти... Славьте Бога небесъ, ибо во вѣкъ милость Его [28]).

— Хвалите рабы Господни, хвалите имя Господне. Да будетъ имя Господне благословенно отнынѣ и во вѣкъ. Отъ восхода солнца до запада да будетъ прославляемо имя Господне. Высокъ надъ всѣми народами Господь; надъ небесами слава Его. Кто, какъ Господь, Богъ нашъ, Который, обитая на высотѣ, приклоняется, чтобы призирать на небо и на землю; изъ праха поднимаетъ бѣднаго; изъ бренія возвышаетъ нищаго [29]).

— Хвалите Господа, ибо Господь благъ; пойте имени Его, ибо это сладостно. Господь творитъ все, что хочетъ на небесахъ и на землѣ, на моряхъ и во всѣхъ безднахъ. Возводитъ облака отъ края земли, творитъ молніи при дождѣ, изводитъ вѣтеръ изъ хранилищъ Своихъ. Боящіеся Господа! Благословите Господа. Благословенъ Господь отъ Сіона, живущій во Іерусалимѣ! [30]).

— Хвалите Господа, ибо благо пѣть Богу нашему, ибо это сладостно, — хвала подобающая. Онъ исцѣляетъ сокрушенныхъ сердцемъ, и врачуетъ скорби ихъ. Великъ Господь, Богъ нашъ, и велика крѣпость Его, и разумъ Его неизмѣримъ. Смиренныхъ возвышаетъ Господь, а нечестивыхъ унижаетъ до земли. Благоволитъ Господь къ боящимся Его, къ уповающимъ на милость Его [31]).

— Хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ. Хвалите Его, всѣ ангелы Его, всѣ воинства Его. Хвалите Господа... цари земные и всѣ народы, князья и всѣ судьи земные, юноши и дѣвицы, старцы и отроки да хвалятъ имя Господне; ибо имя Его единаго превознесенно, слава Его на землѣ и на небесахъ [32]).

— Все дышащее да хвалитъ Господа! Аллилуія [33]).

Составилъ **П. М. Чижовъ.**

1) Псл. 116, 1-2. 2) Псл. 97, 2-3. 3) Псл. 98, 9. 4) Псл. 99, 1-5. 5) Псл. 105, 1-2. 6) Псл. 106, 1-2. 7) Псл. 106, 5-8. 8) Псл. 106, 9-14. 9) Псл. 106, 17-22. 10) Псл. 106, 23-31. 11) Псл. 106, 33-38. 12) Псл. 196, 42-43. 13) Псл. 65, 1-2; 8-9. 14) Псл. 67, 5-6. 15) Псл 95, 1-7. 16) Втор. 32, 3-4. 17) Псл. 18, 8-10. 18) Псл. 110, 2-9. 19) Псл. 114, 5-6. 20) Псл. 102, 6; 8-22. 21) Псл. 137, 6. 22) Псл. 144, 3. 23) Псл. 144, 9. 24) Псл. 144, 14; 17-19. 25) Псл. 28, 1-2. 26) Псл. 104, 1-8. 27) Псл. 113, 23-26. 28) Псл. 135, 1-9; 25-26. 29) Псл. 112, 1-7. 30) Псл. 134, 3; 6; 7; 20-21. 31) Псл. 146, 1; 3; 5-6; 11. 32) Псл. 148, 1-2; 7; 11-13. 33) Псл. 150, 6.

Изъ Великаго Канона.

I

Единоцарственно и сопрестольно,
Не слитно въ лицахъ Божество.
И вышній міръ, и міръ нашъ дольній
Поетъ едино Существо.
Отецъ вѣщаетъ, Сынъ вѣщаетъ,
Божественный вѣщаетъ Духъ,
Міры незримо направляетъ
И источаетъ жизнь вокругъ.
Пади, и бренными устнами
Ты пѣснь великую воспой,
Что хоры ангеловъ надъ нами
Поютъ о Троицѣ Святой.

II

Какъ скоротечна жизнь людей,
Вся изъ болѣзней и скорбей.
Въ ночи грѣха рѣкой течетъ,
И все шумитъ, и все зоветъ...
И блекнетъ призракъ, таетъ дымъ
За обольщеніемъ земнымъ.
Все — суета и плѣнъ страстей,
И нѣтъ счастливыхъ межъ людей.
И все пройдетъ, и все минетъ,
Лишь Солнце Правды не зайдетъ.

III

Разбойникъ Тебя поносилъ,
Разбойникъ всѣмъ сердцемъ молилъ,
Кресту Твоему сострадая:
О Боже, въ грядущіе дни
Ты въ царствѣ Своемъ помяни,
Грѣховъ моихъ бремя снимая!
И гласъ былъ: Тебѣ говорю,
Со Мною днесь будешь въ раю!

IV

Конецъ уже близокъ. Бьетъ часъ роковой,
Но ты не радишь о спасеньѣ.
И время течетъ, и волна за волной
Уходитъ и тонетъ въ забвеньѣ.
Уходитъ безслѣдно и блекнетъ, какъ цвѣтъ.
Стоитъ Судія на порогѣ...
А мы, какъ въ сѣтяхъ, въ паутинѣ суетъ,
Безъ мысли о смерти, о Богѣ.

V

Услышалъ пророкъ о Твоемъ Рождествѣ
И въ сердцѣ, и въ мысляхъ смутился.
Ты хочешь явиться въ земномъ естествѣ,
Ты хочешь, чтобъ міръ обновился...
Изъ ночи взываю, изъ древности дней:
О, слава Божественной силѣ Твоей!

VI

Я осужденъ былъ и препрѣнъ,
Несчастный, въ совѣсти своей.
Въ себѣ ношу свой судъ и плѣнъ,
И нѣтъ суда того страшнѣй.
Она грызетъ, она палитъ,
Она, какъ молнія, разитъ.
О Сердцевѣдче, пощади
И отъ геенны свободи!

VII

Высокомѣрный на словахъ
И въ сердцѣ дерзостно-строптивый,
Я фарисеемъ сталъ въ очахъ
Души смиренной, молчаливой.
Гордыней паче возносясь,
На мытаря же указуя,
«Я не такой, какъ эта мразь»,
Безумныя слова твержу я.
О Милосердный, даруй мнѣ
Смиренье, слезы сокрушенья,
Да растопится ледъ въ огнѣ
Моленій горькихъ о спасеньѣ.

VIII

Оглушенъ я бурей треволненья,
Истекаетъ сердце токомъ слезъ.
Дни мелькаютъ, словно сновидѣнья
Въ блескѣ молній, подъ громами грозъ.
Но пристанище Твое отселѣ
Я изъ бездны гибели узрѣлъ
И отсель гряду къ Господней цѣли,
Къ совершенью Божьихъ дѣлъ.

IX

Вочеловѣчился Христосъ,
Призвалъ злодѣевъ къ покаянью.
Блудницы шли съ фіаломъ слезъ
Пріять Христовъ вѣнецъ страданья.

Прелюбодѣевъ, мытарей
Шли толпы, ищущихъ спасенья,
Грѣховъ святого разрѣшенья
И мира совѣсти своей.
Зарей блеснули въ небесахъ
Младенцевъ-мучениковъ сонмы
И озарили міръ нашъ темный,
Міръ погибающихъ въ грѣхахъ
Пришелъ смиренный всѣхъ людей,
Пришелъ во плоти Богъ скорбящихъ,
И вотъ стоитъ Онъ у дверей
И будитъ непробудно спящихъ.

X

Предтеча Благодати
Въ пустынѣ обиталъ,
И былъ томимъ онъ зноемъ
И жаждалъ, и алкалъ.
И шли изъ Іудеи,
Изъ Самаріи шли,
Томимые тоскою
И грѣшники земли.
Христа предвозвѣщая,
Пророкъ ихъ вопрошалъ:
Кто вамъ бѣжать отъ гнѣва
Грядущаго сказалъ?
Покайтесь. Ужъ сѣкира
Тамъ, у корней древесъ...
Се предстоитъ Свѣтъ міра,
Се Огнь грядетъ съ небесъ!

XI

Тварь содрогалась,
Солнце во мракѣ скрывалось.
Съ грохотомъ падали скалы,
Нѣдра земли обнажая.
Стономъ ущелья стонали,
Крестнымъ страданьямъ внимая.
Трепетомъ горы дрожали,
Мукамъ Создателя внемля.
Ночь среди дня шла на землю,
Саваномъ Крестъ покрывая.

XII

Марія, святости сіянье,
Попрала похоти страстей

Великимъ подвигомъ страданья,
Великимъ бдѣніемъ ночей.
Марія, чистое кадило
Передъ престоломъ Божества,
Отвергла все, что было мило,
Отвергла земность естества
И легкой ангеловъ стопою,
Какъ привидѣнье сквозь туманъ,
Переходила Іорданъ
И воспаряла надъ землею.
О преподобная, предъ Богомъ
Гори немеркнущей свѣчей
И въ искушеньи жизни многомъ
Молись за страждущихъ душой.

В. Утреневъ.

Судьбы народовъ и всего человѣчества.

Тогда услышите о войнахъ и о военныхъ слухахъ. Смотрите, не ужасайтесь: ибо надлежитъ всему тому быть: но это еще не конецъ. (Матѳ. 24, 6).

Намъ не дано видѣть будущее. Но каждый народъ, кромѣ своей мѣстной судьбы, имѣетъ участіе въ судьбахъ другихъ народовъ и еще далѣе — въ судьбахъ всего человѣчества. Не здѣсь ли, въ этихъ судьбахъ общечеловѣческихъ, надобно искать разрѣшенія народныхъ судебъ? *Какою силою рѣшаются судьбы народовъ?*

Для того, чтобы понять это, надобно знать, какою силою проводится для нихъ путь въ исторіи, какими цѣлями опредѣляется ихъ назначеніе въ общей жизни человѣчества. Кажется, ясно: впереди каждаго народа идетъ правительственная власть и сила, мудрость государственная, которая ведетъ народъ за собою путемъ идей и цѣлей, болѣе или менѣе вѣрныхъ, приводящихъ народъ къ послѣдствіямъ, какъ будто счастливымъ. Если такъ, то отчего же государственная власть, и сила, и мудрость часто вынужденны бываютъ мѣнять свои идеи и стремленія въ сознаніи, что пошли не тѣмъ путемъ, которымъ народу надобно идти къ своему счастью? Отчего нерѣдко возникаетъ рознь и разладъ между идеями, намѣреніями ея и потребностями и стремленіями народовъ? Отчего, со всѣмъ величіемъ своего авторитета и могущества, власть останавливается въ недоумѣніи и безсиліи предъ задачами времени, предъ такъ называемою силою вещей, которой ни измѣнить, ни устранить, ни избѣжать не мо-

жетъ? Посмотрите на обстоятельства настоящаго времени. Тамъ государственная власть, даже соединенною силою многихъ умовъ и дѣятелей, хочетъ во что бы то ни стало выдвинуть народъ на путь современнаго развитія, но народъ не двигается, не слушаетъ и вырывается изъ ея рукъ, оставляетъ ее позади себя. И вотъ изъ такого состоянія народовъ возникаютъ вопросы времени, которые страшной тяжестью висятъ надъ государственными дѣятелями и настоятельно требуютъ своего разрѣшенія. Но имъ рѣшеніе не дается въ руки; и не находитъ ничего лучшаго самая высокая политическая мудрость, какъ предоставить дѣла самой силѣ вещей, или естественному ходу событій.

Видимъ мы и такихъ дѣятелей въ жизни народовъ, дѣятелей передовыхъ, геніальныхъ, необыкновенныхъ, по временамъ являющихся въ мірѣ, особенно во времена наибольшихъ затрудненій въ жизни народовъ, которые силою своихъ самобытныхъ идей, непреодолимой воли увлекаютъ народы за собою на новые пути жизни. Не такими ли дѣятелями рѣшаются судьбы народовъ? Едва ли: ихъ вызываетъ духъ времени, выдвигаетъ стеченіе обстоятельствъ, направляетъ сила событій, и не столько они рѣшаютъ народныя судьбы, сколько этими судьбами опредѣляются ихъ собственные пути. И вотъ одинъ изъ такихъ могучихъ дѣятелей признаетъ себя не болѣе, какъ орудіемъ высшей силы, и торжественно объявляетъ, что онъ какъ будто не то дѣлаетъ, что самъ хотѣлъ; другой въ изумленіи останавливается предъ неожиданными для него самого послѣдствіями собственныхъ дѣлъ; третій, при своей геніальности, серьезно и гораздо болѣе вѣритъ въ свою звѣзду, чѣмъ въ силу своего генія. Да, видно есть въ мірѣ сила высшая, чѣмъ геніи человѣчества!

Въ новѣйшее время выступила на поле міра особая сила, съ новымъ свѣтомъ и съ живѣйшимъ вліяніемъ на народы: умозрительно-гражданское просвѣщеніе, сила могучая, быстродвижная, постоянно стремящаяся и въ себѣ самой, и въ жизни народовъ къ свободѣ и независимости; и когда, вооруженная всѣми своими познаніями, историческими, философскими, политико-экономическими и всякими другими, она разбираетъ дѣла временъ прошедшаго и настоящаго; когда видишь, какія свѣтлыя, широкія и высокія идеи и теоріи она вырабатываетъ изъ своихъ разнообразныхъ матеріаловъ для постиженія и направленія народныхъ судебъ: то кажется, гдѣ же, какъ не тутъ, искать ключа къ тайнамъ судебъ и какъ не трудно было бы не только устроить тотъ или другой народъ, а перестроить весь міръ! Да, если бы для этого не требовалось ничего болѣе, кромѣ идей и теорій. Но идеи и теоріи очень легко переходятъ изъ одной головы въ другую, очень быстро летаютъ въ атмосферѣ, окружающей человѣчество, очень спокойно укладываются въ книгахъ. Онѣ поглощаютъ всякую идею и теорію и въ своемъ горнилѣ перерабатываютъ ихъ такъ, что часто выходитъ то, что никакому философу и политику и не грезилось.

Наконецъ, есть еще сила, которая изначала и всегда присвояетъ себѣ право рѣшенія народныхъ судебъ, сила не столь тонкая, какъ полити-

ческая мудрость, не столь заманчивая, какъ соціальная теорія, но, повидимому, гораздо болѣе дѣйствительная: это — сила оружія. Но что, скажите, кромѣ ужаса возбуждаетъ одно представленіе объ этой силѣ? Какая исторія вполнѣ описала всѣ бѣдствія войны, всѣ потоки крови и слезъ человѣческихъ, всѣ виды разрушенія, увѣчья и смерти и всевозможныхъ страданій народныхъ отъ этого бича человѣчества? Но дѣйствительно ли сила оружія рѣшала судьбы народовъ? Она рѣшала судьбу властолюбія, честолюбія, политическихъ домогательствъ или соперничества, международныхъ страстей и, пожалуй, политическаго существованія народовъ и болѣе или менѣе измѣняла внѣшнюю жизнь ихъ: но какимъ образомъ внутреннія силы народовъ переживали и нерѣдко побѣжденныхъ дѣлали побѣдителями побѣдителей во внутренней жизни и въ дальнѣйшихъ судьбахъ ея одною своею нравственною крѣпостью притупляли всякую силу оружія? Такъ, рѣшило ли судьбу Россіи оружіе монголовъ или восточныхъ христіанъ оружіе османовъ? Нѣтъ: и неужели въ самомъ дѣлѣ разумному, нравственному и свободному существу человѣчества, при томъ искупленному и освященному Христомъ, суждено ожидать рѣшенія своей участи отъ безсмысленнаго огня и меча? И какое, наконецъ, противорѣчіе въ духѣ именно нашего времени и отсюда — въ политическомъ положеніи самихъ народовъ! Когда люди болѣе, чѣмъ въ настоящее время, понимали все ужасное зло войны, когда просвѣщеніе болѣе, чѣмъ въ нашъ вѣкъ, обнадеживало міръ уничтоженіемъ этого бича, проповѣдывало народамъ миръ постоянный, со всѣми его благами, взаимное сочувствіе въ общечеловѣческихъ интересахъ, стремленіе къ единенію въ жизни международной, гражданской; всѣ эти прекрасныя начала, которыя сами собою отрицаютъ силу оружія и войну? А между тѣмъ никогда не было изобрѣтаемо, при томъ намѣренно и научными способами, столько и такихъ смертоносныхъ орудій на безпощадное истребленіе человѣчества, никогда государства такъ страшно не вооружались, истощая на это всѣ свои силы и средства, никогда съ такимъ взаимнымъ недовѣріемъ и напряженною готовностью въ каждый часъ на брань не стояли на вооруженной стражѣ другъ противъ друга, какъ въ настоящее время. И для такого неестественнаго состоянія народовъ придумано нынѣ великолѣпное слово: вооруженный міръ! Увы! Надобно оплакивать такой противочеловѣческій и противохристіанскій духъ времени и народовъ! Но еще разъ поставимъ вопросъ рѣшитъ ли сила оружія судьбы народовъ? И скажу на это слово не свое, а Христово: нѣтъ! Все это должно быть, но это еще не конецъ (Матѳ. 24, 6).

Итакъ, правительственная власть и сила, политическая мудрость, геніи великихъ людей, просвѣщеніе и сила оружія — вотъ дѣятели народныхъ судебъ, которыхъ указываетъ намъ міръ. Все ли тутъ? Не забыли ли чего-нибудь? Не забыта ли таинственная рука, которая въ то время, когда никто ни о какой рукѣ не думаетъ, среди упоенія побѣдъ и могущества, писала на стѣнѣ въ трехъ словахъ судьбу цѣлаго царства? Не вы-

шло ли изъ памяти царское видѣніе небольшого камня, который, отторгшись отъ горы, разбилъ въ прахъ цѣлый рядъ царствъ, и еще какихъ — золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ: и потомъ самъ, возросши въ гору, покрылъ всю землю? Не потерялась ли изъ вида исторія двѣнадцати человѣкъ, ужъ вовсе не государственныхъ мужей и не ученыхъ, и не вооруженныхъ, которые по мановенію Лица, въ ихъ время отверженнаго всѣми мудрыми и сильными міра сего, да и нынѣ не очень поклоняемаго и многими безумцами отвергаемаго, прошли весь міръ съ невѣдомымъ міру дотолѣ ученіемъ, и хотя не перестроили государствъ, такъ какъ не о томъ и думали, однакожъ, положили совсѣмъ новыя основанія для жизни народовъ и помимо всякой политики указали новыя судьбы ихъ въ общей жизни человѣчества? Не забыто ли, наконецъ, кому и чему обязано человѣчество своей цивилизаціей, стремленіемъ народовъ къ единенію жизни, нравственною силой общечеловѣческихъ правъ и интересовъ?

Напомнивъ это, скажу: есть сила высшая, рѣшающая судьбы народовъ: есть судьбы высшія, нежели государственныя, есть для нихъ путь и жизнь высшія, нежели гражданскія. Предвѣчное Божеское провидѣніе опредѣлило къ возрожденію и обновленію все человѣчество, и въ составѣ его разные народы. Это возрожденіе и обновленіе должно и можетъ совершиться только въ христіанствѣ: поэтому всѣ народы призываются голосомъ Евангелія въ нѣдра христіанства. Народы, способные къ возрожденію, нравственно развиваются въ христіанствѣ и нравственнымъ взаимодѣйствіемъ содѣйствуютъ постепенному обновленію всего человѣчества; народы, неспособные къ возрожденію, падаютъ и отъ собственной внутренней немощи истлѣваютъ внѣ христіанства, въ которое и войти не въ состояніи по неспособности къ обновленію, или же падаютъ въ самомъ христіанствѣ, если вошли въ него безъ сознанія, безъ убѣжденія и доброй воли. Затѣмъ всѣ народы призываются къ духовному единенію между собою; наконецъ, рано или поздно должны составить одно духовное царство подъ единою Главою, Христомъ, царство не отъ міра сего, не въ видѣ всемірнаго государства, а въ единеніи вѣры и истины, въ блаженной вѣчности. Всякое посягательство на устроеніе этого духовнаго царства въ образѣ міра сего, съ видимою человѣческою главою, должно пасть отъ собственной своей несостоятельности и несообразности, какими бы священными и высокими интересами ни прикрывалось. Всякое зловѣріе со всѣми его нравственными язвами, вблизи христіанства, даже въ его предѣлахъ и подъ его государственными формами, даже на священныхъ и дорогихъ его мѣстахъ, когда это зловѣріе, оставленное самому себѣ, дойдетъ до послѣднихъ степеней нравственнаго паденія и духовнаго истощенія, такъ что, наконецъ, обнаружитъ всю свою неспособность къ возрожденію, тогда оно должно умереть и умретъ, если суждено еще жить человѣчеству на землѣ. Тѣ племена, которыя по неразумію и упорству оставались внѣ христіанства, но сохранили въ себѣ способ-

ность и залогъ нравственнаго возрожденія, не должны ли войти въ составъ христіанства и въ немъ, наряду съ другими народами, еще послужить великимъ цѣлямъ его въ человѣчествѣ?

Вотъ высшее предначертаніе народныхъ судебъ: и Россія имѣетъ тутъ свою, особую долю, потому что съ ея историческаго поля есть прямая дорога на еще болѣе обширное поле. Эта дорога — святое православіе. Русскому народу болѣе, чѣмъ всякому другому, открытъ этотъ путь во всю широту и высоту міровыхъ судебъ, потому, что ни у одного народа святыня вѣры не соединяется съ такою историческою силою, какъ у русскаго. Великія судьбы не ожидаютъ ли Россію, и въ собственной ея жизни и въ цѣломъ мірѣ, если она вернется на свой историческій путь? Буди, Буди!

Прот. Ф. Жолткевичъ.

Молитва.

Мой Ангелъ-Хранитель! Я хотѣла-бы въ дружбѣ
Съ Тобою всю жизнь на землѣ здѣсь прожить!
Душой сиротливой, средь міра всѣмъ чуждой,
Тебя одного лишь, Тебя лишь любить!

Встаю, иль ложусь — Ты, Невидимый, тутъ же,
О, вѣрный мой Стражъ, о Блюститель добра!
Съ Тобой ничего мнѣ на свѣтѣ не нужно —
Ни дружбы коварной, ни связи родства.

Тебя я не вижу — но знаю: мы вмѣстѣ!
Отъ ложнаго шага удержишь меня,
И скажешь: хотя не Христовой Невѣстѣ,
Но есть путь спасенія и для тебя.

И можно, въ укромномъ склонившись мѣстечкѣ,
Вдали отъ людей Тебѣ сердцемъ сказать:
"Спаси, умоляю! отъ мукъ меня вѣчныхъ
Избавь, когда душу мою придешь взять!"

О, Ангелъ-Хранитель — Ты добръ, Ты жалѣешь
Меня, всѣхъ грѣшнѣйшую въ жизни моей —
И вѣрю: Ты скорби мои всѣ развѣешь,
Ты молвишь: "Слезъ скорбныхъ ты больше не лей!"

Зинаида Макушинская.

«Ученіе и учитель» въ изображеніи К. П. Побѣдоносцева.

Недавно Н. Ульяновъ въ альманахѣ «Воздушные пути» и въ газетѣ «Новое Русское Слово» (7 февр. с. г.) обстоятельно разбиралъ сущность т. н. русской «интеллигенціи», опредѣляя ея природу. Имъ приводится истолкованіе ея Г. П. Федотовымъ, который самъ былъ опредѣленнымъ «интеллигентомъ»: Это — «нѣкій орденъ, хотя не знающій внѣшнихъ формъ», «идейный штабъ русской революціи».

Отмѣтимъ, что въ орденъ этотъ не включались тѣ ученые, писатели, поэты, которые шли своимъ, прямымъ, а не обще-революціоннымъ путемъ. Этого было достаточно для помѣщенія ихъ вожаками интеллигенціи на черную доску, наряду съ огромнымъ большинствомъ представителей правительства Императорской Россіи.

Къ восьмидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія на этой доскѣ виднѣйшее мѣсто занималъ крупнѣйшій ученый, церковно-вѣрующій, образованнѣйшій и просвѣщеннѣйшій К. П. Побѣдоносцевъ. Онъ изображался узкимъ консерваторомъ, сухимъ и бездушнымъ бюрократомъ, гасителемъ малѣйшаго свѣта, проникавшаго въ ту полнѣйшую мглу, которую, въ представленіи интеллигенціи, представляло Самодержавіе.

Для того, чтобы убѣдиться, насколько все это не соотвѣтствовало истинѣ, достаточно ознакомиться съ его взглядами на дѣло воспитанія, съ которымъ онъ соприкасался непосредственно, пополняя знанія свои изъ сокровищницы многолѣтняго опыта его близкаго друга, С. А. Рачинскаго, выдающагося педагога, работавшаго въ самой гущѣ народной.

Приводимъ выдержки изъ изданной К. П. Побѣдоносцевымъ въ Москвѣ небольшой книги «Ученье и учитель». (Педагогическія замѣтки. 1901. Изданіе третье).

Побѣдоносцевъ придаетъ большое значеніе чтенію вслухъ. «Учить читать — значитъ учить говорить, т. е. произносить слова и складывать рѣчь сознательно. Въ этомъ смыслѣ уроки чтенія непрерывны до самого конца школьнаго обученія, только пріемы уроковъ неодинаковы, восходя отъ простого до болѣе сложнаго... На каждой ступени школьной жизни продолжается, и еще возрастаетъ, важное значеніе **чтенія вслухъ**... Разумно руководимое чтеніе — полубессознательно, полусознательно — подготовляетъ почву для воспріятія правилъ грамматики и стиля, которыя безъ этой подготовки являлись бы лишь мучительнымъ бременемъ для памяти...».

Затрагиваетъ авторъ важный вопросъ о личномъ общеніи преподавателей съ учениками. «Учитель ошибается, если думаетъ, что все дѣло его содержится въ урочныхъ часахъ преподаванія въ классѣ. Много важнѣе между-урочные и послѣ-урочные часы занятій съ дѣтьми: здѣсь собирается богатый матеріалъ для оживленія интереса, для возбужденія мысли и воображенія, для сообщенія по-

нятій и свѣдѣній, здѣсь прямое средство духовнаго и душевнаго общенія учителя съ дѣтьми и залогъ сердечной и умственной привязанности дѣтей къ школѣ и учителю».

«Если хочешь, чтобы классъ твой былъ спокоенъ и внимателенъ, будь спокоенъ и внимателенъ самъ — спокоенъ прежде всего во внѣшнихъ пріемахъ. Молодой конь чуетъ неопытнаго, неувѣреннаго въ себѣ сѣдока, и начинаетъ шалить и брыкаться.» «Не забывай никогда, что у тебя въ классѣ дѣти: старайся быть юнъ съ ними, — и они это почувствуютъ». «Когда ученикъ читаетъ стихотвореніе, не вмѣшивайся въ чтеніе, не прерывай его объясненіемъ, кто такой Олегъ, кто Печенѣги. Пусть дочтетъ до конца — тогда можешь давать ему объясненія» — «Не будь рабомъ методы, когда надо задавать вопросы ученику. Когда ты его знаешь и глаза твои на него открыты, онъ самъ тебѣ подскажетъ, о чемъ спрашивать». — «Когда поправляешь тетради, будь терпѣливъ и внимателенъ: не ожидай и не требуй всего заразъ и отъ каждаго одинаково. Думай, до чего въ данную минуту можетъ быть способна голова ученика твоего: чего не поняла сегодня, можетъ понять завтра — не порти ему радость самосознанія, когда видишь, что онъ старается понять и работаетъ головой». «Приходится бороться съ лѣнью и равнодушіемъ. Но помни, что каждое внушеніе и наказаніе должно быть дѣйственно. Не затрачивай сразу всю его силу. Иногда довольно взгляда, довольно движенія. Когда это не достаточно — дѣйствуетъ слово. Но гдѣ довольно одного слова, берегись многословія».

«Не раздражайся мелочами и не придавай имъ значенія. Шалунъ нарисовалъ на столѣ твою фигуру, да еще подписалъ. Что тебѣ дѣлать? Спокойно сотри ее или вели стереть сосѣду. Бѣда, если разсердишься, да еще станешь разслѣдовать. Тогда примѣръ станетъ заразителенъ». «Когда сидишь въ классѣ и видишь передъ собою 30 ребятъ, не забывай, что и ты когда-то былъ совершенно такой же».

«Будь естественъ: говорить надобно такъ, чтобъ ясно понимали тѣ, кому говоришь. Итакъ, когда говоришь, не отъ себя исходи, не о себѣ думай, а о тѣхъ, кому говоришь. Въ нихъ жизнь движется: надобно имъ слышать живое слово». «Берегись употреблять отвлеченныя фразы, берегись нанизывать правило на правило. Дорога, вымощенная отвлеченностями да правилами, ведетъ къ отупѣнію и отводитъ отъ жизни».

«Когда судятъ о человѣкѣ, надобно отыскивать въ немъ не одну лишь отрицательную сторону, а прежде положительную: мы скорѣе замѣчаемъ, чего нѣтъ въ человѣкѣ, нежели что есть въ немъ. А что есть, это всего важнѣе. Такъ, обсуждая ученическія работы, мы гоняемся за ошибками и ихъ отмѣчаемъ. Этого мало и эта мѣрка неправая. Надо умѣть смотрѣть внутрь, сквозь ошибки. Кто умѣетъ, видитъ сквозь ошибки, къ чему способенъ ученикъ, что умѣетъ, что можетъ дальше въ немъ вырости. Итакъ, напрасно думаетъ начальникъ, что, обозрѣвъ множество тетрадокъ, по счету отмѣченныхъ ошибокъ получитъ онъ понятіе о цѣломъ классѣ и о способностяхъ каждаго ученика.» «Одни наставленія и выговоры плохо дѣйствуютъ,

если ученикъ не привыкъ видѣть въ учителѣ живой образъ умѣнія, старанія, добросовѣстности, — и уважать его. Когда ученикъ боится учителя въ нравственномъ смыслѣ этого слова, одинъ взглядъ, одно слово учителя будитъ ученика, стыдитъ, ободряетъ, оживляетъ, руководствуетъ». «Когда работа употребляется въ школѣ въ видѣ наказанія, — это плохой показатель: значитъ, работа мало цѣнится, или сама по себѣ считается тяжкимъ и скучнымъ дѣломъ».

«Ты преподаешь дѣтямъ Законъ Божій... Больше всего берегись дѣлать изъ Евангелія учебную книгу: это грѣхъ. Это значитъ — въ ребенкѣ обезцѣнивать для человѣка книгу, которая должна быть для него сокровищемъ и руководствомъ цѣлой жизни. Страшно должно быть для совѣсти разбивать слово жизни на бездушные кусочки и дѣлать изъ нихъ мучительные вопросы для дѣтей. Приступать съ рѣчами о Евангельскихъ словахъ къ дѣтямъ и вызывать у нихъ отвѣты — для этого потребна душа, чуткая къ ощущеніямъ дѣтской души, — но когда приступаютъ къ дѣлу съ одной механикой программныхъ вопросовъ, и ставятъ цифирныя отмѣтки за отвѣтъ на вопросы, иногда неловкіе и непонятые ребенкомъ, — вызывая волненіе и слезы, — грѣхъ принимаютъ на душу экзаменаторы — и можно сказать объ нихъ: не вѣдаютъ, что творятъ — съ душою ребенка.» «Если же мы хотимъ правды въ этомъ великомъ дѣлѣ, то не станемъ отъ нея прятаться. И вѣра и нравственность — не равные съ прочими предметы обученія: одни уроки и наставленія для этого недостаточны. И вѣра и нравственность воспитываются въ душѣ цѣльнымъ воздѣйствіемъ домашней и (говоря о школѣ) школьной жизни. Лишь бы школьная жизнь не была раздвоена на двѣ отдѣльныя части — религіознаго и свѣтскаго обученія, но составляла въ гармоніи частей одно органическое цѣлое. Семья должна посѣять и воспитать въ душѣ чувство благоговѣнія и вѣры: школа должна не только поддержать это чувство, но и освѣтить въ душѣ идею, безъ которой одно чувство смутно и неустойчиво. Школа должна поставить это чувство и эту идею въ нравственную связь съ жизнію — воздѣйствовать на ребенка своею нравственною обстановкой. Когда ученики связаны съ учителемъ взаимнымъ сочувственнымъ искреннимъ отношеніемъ, тогда возрастаетъ и воспитывается въ дѣтяхъ живое нравственное сознаніе правды ученія Христова, одухотворяющаго любовію животную природу человѣческую. Вѣра должна быть живая и дѣйственная, слѣдовательно должна быть нераздѣльна съ церковью. Школа, поколику она народная, должна отражать въ себѣ душу народную и вѣру народную — тогда только будетъ она люба народу. Итакъ, школѣ прямое мѣсто при церкви и въ тѣсной связи съ церковью. Она должна быть проникнута церковностью въ лучшемъ, духовномъ смыслѣ этого слова. Одухотворяясь ею, она сама должна одухотворять ее, для души народной. Отсюда — непремѣнное участіе въ дѣйствѣ церковнаго Богослуженія — въ чтеніи и пѣніи. Кто испыталъ и видѣлъ, тотъ знаетъ, какое это могучее духотворное, воспитательное орудіе и для школы и для души народной, въ которую вноситъ просвѣтлѣніе религіознаго сознанія и чувства. Разумное, осмысленное чтеніе въ церкви вводитъ ученика въ глубокій смыслъ,

въ красоту и выразительность церковно-славянскаго языка, укрѣпляя въ умѣ и воображеніи корень разумной, стройной и выразительной русской рѣчи. Пѣніе, нераздѣльное съ словомъ, исполненнымъ силы и красоты, проникая въ русскую душу, богато одаренную поэзіей пѣсни, — воспитываетъ въ ней, вмѣстѣ съ гармоніей сроднаго ей звука, и гармонію чувства».

«Что значитъ править? Значитъ — умѣть отличать существенное отъ несущественнаго, главное отъ мелочнаго — отыскивать въ дѣлѣ **возможное**, ощущать добро и разумъ въ каждомъ человѣкѣ». «Великое дѣло — одушевленіе въ дѣлѣ воспитанія и обращенія съ людьми. Но и оно должно быть естественное и не переходить въ **паѳосъ**. Благо тѣмъ, у кого при одушевленіи есть въ характерѣ **юморъ**. Это истинная **соль** всякаго одушевленія, и великая сила, устраняющая **сухость** и формализмъ въ отношеніи къ дѣлу и къ людямъ. Во всякомъ званіи человѣкъ долженъ смотрѣть за собой, чтобы **духа не угашать** въ себѣ. Обычное дѣло рукъ человѣческихъ, день за днемъ, можетъ подавить человѣка и овладѣть имъ, если самъ онъ духовно имъ не овладѣетъ. Эта опасность угрожаетъ въ особенности учительскому званію. Учитель, закоснѣвъ на своемъ предметѣ, и на однообразныхъ классныхъ упражненіяхъ, можетъ замереть духомъ въ учебномъ обычаѣ. Такъ, оставаясь исправнымъ во внѣшности, можетъ мало по малу утратить способность жить одною жизнью съ своимъ классомъ и духовно возбуждать его».

Подробно останавливается Побѣдоносцевъ на вопросѣ объ экзаменахъ, опасаясь приданія имъ жестокой и бездушной формы, что приводитъ въ состояніе нервнаго раздраженія экзаменатора и экзаменующихся. Далѣе онъ пишетъ: «Значитъ ли это, что экзамены вовсе не нужны? Нѣтъ — они нужны, они полезны, они могутъ возбуждать школу и оживлять учебное дѣло, но лишь въ томъ случаѣ, когда сама школа **живетъ**, а не является только неодушевленнымъ механизмомъ программнаго обученія. Когда учитель знаетъ своихъ учениковъ, различая ихъ поименно, то-есть по способности и свойству каждаго, — когда ученье въ школѣ не томитъ учениковъ, но привлекаетъ ихъ живымъ интересомъ и желаніемъ понимать и думать, — тогда экзаменъ пріобрѣтаетъ и для ученика живой интересъ и получаетъ видъ праздника, вѣнчающаго учебное дѣло. Учителю — интересъ видѣть живой плодъ трудовъ своихъ и стараній, приложенныхъ къ воздѣйствію на умъ и на душу учениковъ; и ученику — интересъ сознательно выразить въ живомъ отраженіи, что онъ воспринялъ въ урокахъ цѣлаго года. Когда онъ готовится къ экзамену, въ умѣ у него происходитъ художественная работа — какъ собрать, сопоставить и лучше выразить то, что ему предложено будетъ высказать на экзаменѣ. И учитель думаетъ, о чемъ ему спросить мальчика, — не выдергивать только отрывочные вопросы изъ программы, не разыскивая по одной памяти ученика имена, цифры и формулы; думаетъ, какъ составить изъ учениковъ отдѣльныя группы, по которымъ онъ будетъ проводить свои испытанія. — Въ этомъ видѣ экзаменъ перестанетъ быть мучительной инквизиціей мнимыхъ знаній, но получитъ разумное значеніе».

Побѣдоносцевъ, заканчивая этими строками свой небольшой педагогическій очеркъ, присоединяетъ къ нему переводъ съ англійскаго другого краткаго очерка: «Воспитаніе характера въ школѣ», авторомъ котораго является Барнеттъ (1899). Приводимъ выдержки изъ него.

«Великое дѣло пріучить дѣтей къ правдивости. Корни лжи скрываются глубоко въ натурѣ каждаго ребенка — у одного они болѣе упорны, у другого менѣе, ибо не у всякаго натура здоровая и умъ здравый. Въ борьбѣ съ ложью надобно дѣйствовать и на умъ, и на сердце. Прежде всего необходима воспитателю самая строгая справедливость въ отношеніи къ ученикамъ — она должна вызвать въ каждомъ соотвѣтственное сознаніе правды. Источникомъ лжи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ служитъ почти всегда побужденіе эгоизма или себялюбія — желаніе выгоды, желаніе избѣжать наказанія или горькаго сознанія вины своей. Воспитатель долженъ приступать къ лѣченію этой лжи, — но крайне осторожно, и тѣмъ осторожнѣе, чѣмъ малолѣтнѣе виновный. Ни страхомъ, ни строгимъ приказомъ нельзя вылѣчить эту болѣзнь. Боже избави настаивать на испорченности ребенка, обращаясь къ нему, какъ къ негодяю, — это значитъ испортить все дѣло. Можно только мало по малу завоевать умъ и сердце ребенка, ввести его въ область правды. Всего надежнѣе — будить въ немъ чувство достоинства и къ этому чувству обращаться. Идеалъ для ребенка — быть большимъ человѣкомъ: надобно, чтобы онъ понялъ, какъ этотъ идеалъ искажается и разрушается ложью».

«Изъ всѣхъ видовъ награды самый лучшій, самый дѣйствительный, — это слово одобренія, во время сказанное добрымъ и разсудительнымъ наставникомъ. Но самою существенною и самою естественною наградою дѣла служитъ всякому дѣятелю чувство удовлетворенія совершеннымъ дѣломъ или работою. Если наставникъ сумѣлъ довести своихъ питомцевъ до живого ощущенія своихъ успѣховъ, движеніе впередъ обезпечено. Когда дѣлатель заинтересованъ въ усовершеніи своего дѣла и дѣлаетъ это добросовѣстно, и можетъ сказать себѣ сознательно: «хорошо сдѣлано», — это ему своя награда, которую можно назвать творческимъ сознаніемъ совершеннаго».

«Здравая дисциплина не можетъ обходиться безъ наказаній. Но какъ въ наградахъ, такъ и въ наказаніяхъ наставникъ долженъ быть крайне бережливъ и разсудителенъ. Школа, гдѣ сыплются наказанія — нехорошая, нездоровая школа. У малыхъ дѣтей ощущенія сосредоточены главнымъ образомъ въ сферѣ физической природы, и для нихъ ощутительнѣе всего матеріальная сторона — и наградъ и наказаній. Но по мѣрѣ ихъ возрастанія, эта сторона теряетъ свое значеніе, и надежнѣе становится и для того и для другого обращаться къ воображенію, симпатіямъ и разсудку. Въ здравой школьной организаціи самымъ чувствительнымъ наказаніемъ должно служить чувство осужденія и порицанія со стороны наставника и товарищей».

«Свойство сильнаго характера состоитъ въ способности управлять людьми, то есть въ способности внушенія, въ способности вызывать и оживлять въ нихъ сочувствіе и подражательность. Итакъ, долгъ учителя — прежде всего зорко смотрѣть за собою: весь образъ дѣйствія его въ обращеніи съ учениками имѣетъ, въ авторитетномъ

его положенiи, внушительную силу. И надобно еще помнить, что всякiй человѣкъ въ дѣйствiяхъ своихъ имѣетъ заднюю мысль о томъ, какъ его разумѣютъ, и чего отъ него ожидаютъ: очень важно сознанiе, что ждутъ отъ него добраго, а не дурного. Если ученику по привычкѣ твердятъ все одно, что онъ негодный, что онъ злой и т. п., и онъ, прiучаясь къ этой мысли, становится негоднымъ. Воспитатель тѣмъ увѣреннѣе можетъ положиться на ученика своего, чѣмъ увѣреннѣе ученикъ, что воспитатель относится къ нему съ довѣрiемъ. Напротивъ того, постоянное недовѣрiе, подозрительность, частое повторенiе выговоровъ, наставленiй, запретовъ, можетъ повести къ деморализацiи ученика и къ ослабленiю въ немъ дѣятельной силы».

Н. Тальбергъ.

ПЕРЕДЪ ИСПОВѢДЬЮ.

Сердце забилось въ груди... Нѣтъ отчаянiя...
Вотъ къ горлу подступитъ комокъ —
И литься готовы ужъ слезы раскаянья,
Словно какъ горный потокъ...

Господи, милостивъ буди мнѣ грѣшной!
Всѣ согрѣшенья прости,
Слезами моими сейчасъ тутъ омытыя!
Душу мою освяти!

Слышу — тамъ кто то читаетъ на клиросѣ,
Лики святыхъ — въ огонькахъ!
Батюшка тихо выходитъ съ евангельемъ,
Крестъ святой держитъ въ рукахъ...

Выплачу все предъ иконою милою —
Такъ и къ батюшкѣ можно идти,
Снять поскорѣе свои согрѣшенiя
Легкость душѣ обрѣсти.

Господи, радость моя лучезарная!
Всѣ мнѣ грѣхи отпусти!
Чтобъ могла я на утро, съ причастiемъ дивнымъ,
Пойти по иному пути.

Кира Л.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ

Житіе преподобнаго Исихія - постника.

5 марта.

Святой Исихій былъ постникомъ и творилъ чудеса. Онъ жилъ въ пустынѣ. Онъ воздѣлывалъ садъ, сѣялъ сѣмена и питался отъ труда рукъ своихъ. Однажды множество птицъ налетѣло въ садъ. Онѣ поѣли плоды и семена. Святой помолился Богу, — и тотчасъ же птицы, портившія его труды, упали съ воздуха на землю. Онѣ не могли больше летать и лежали на землѣ. Птицы, вновь прилетѣвшія, вкусивъ сѣмянъ тоже не смогли подняться на воздухъ. Онѣ падали и лежали на землѣ, точно вкусившія отраву. Святому жаль стало птицъ. Онъ вышелъ изъ своей келліи и сказалъ имъ: «Улетайте отсюда, только не портите монашескихъ трудовъ». Всѣ лежащія птицы поднялись въ воздухъ и уже больше не прилетали въ его садъ.

Однажды святой вышелъ изъ своей келліи и увидѣлъ воловъ, везущихъ тяжелый возъ Вдругъ одинъ волъ споткнулся и упалъ. Человѣкъ управлявшій волами сталъ помогать встать волу, но тотъ не могъ встать на ноги, сколько человѣкъ ни старался. Наконецъ, онъ заплакалъ отъ усталости. Святой пожалѣлъ человѣка, подошелъ къ волу, погладилъ его по шеѣ и сказалъ: «Встань лѣнивый». Онъ перекрестилъ вола, и волъ сейчасъ же всталъ и кротко потянулъ возъ. Человѣкъ удивился и, радуясь, продолжалъ свой путь.

Святому Исихію за тридцать дней до его кончины Ангелъ указалъ день, въ который онъ долженъ отойти ко Господу. Въ

полночь упалъ съ небесъ свѣтъ на святого, освѣтилъ келлію и пустыню. «Въ руце Твои предаю духъ мой» сказалъ святой и, радуясь, отошелъ въ Божій прекрасный рай.

Память святого священномученика Ипатія - чудотворца, епископа Гангрскаго.

31 марта.

Великъ былъ угодникъ св. Ипатій — епископъ города Гангрскаго. Больныхъ исцѣлялъ онъ. Однажды горькій источникъ воды сдѣлалъ сладкимъ. Разъ ночью онъ шелъ вдоль рѣки — внезапно на водѣ появились горящія свѣчи, чтобы ему путь освѣтить, чтобы ему въ рѣку не упасть.

Святой Ипатій умертвилъ страшнаго змѣя.

Въ царскій дворецъ къ сыну Великаго Константина, Констанцію, невѣдомо откуда приползъ огромный змѣй. Подползъ онъ къ клѣти, гдѣ хранилось все царское богатство, и золото и серебро, и при входѣ положилъ голову, никому не давая подходить къ царскимъ сокровищамъ. Царь Констанцій испугался и послалъ за святителемъ Божіимъ Ипатіемъ. Царь самъ встрѣтилъ святого, поклонился ему до земли и сталъ просить прогнать змѣя. «Не по моей молитвѣ, а по твоей вѣрѣ въ Бога, о Царь, да исполнитъ Господь просьбу твою», — сказалъ св. Ипатій и сталъ молиться Богу. Потомъ святой повелѣлъ сдѣлать большую печь на полѣ, гдѣ происходили конскіе бѣга, и разжечь ее. Потомъ пошелъ онъ къ клѣти, гдѣ хранились царскія сокровища, и сталъ долго бить змѣя. Весь народъ съ царемъ издалека смотрѣли со страхомъ и трепетомъ. Святитель же взялъ свой жезлъ и вложивъ въ ротъ змѣю, сказалъ: «Во имя Господа моего — слѣдуй за мною». Змѣй взялся зубами за жезлъ и покорно пошелъ за святымъ. Святой повелъ его къ разожженной печи и повелѣлъ впрыгнуть въ огонь. Змѣй сгорбился, впрыгнулъ въ горящую печь и тотчасъ-же сгорѣлъ. Царь и народъ прославили великаго чудотворца. Царь сталъ почитать блаженнаго, какъ отца своего. Онъ повелѣлъ написать съ него образъ и во дворцѣ поставить его.

Злые же еретики, т. е. люди, которые неправильно вѣровали въ Господа нашего Іисуса Христа, убили святого въ дорогѣ. Они бросили его съ вершины въ болото. Святой поднялъ руки къ небу и молился: «Прости имъ, Господи, они не знаютъ, что дѣлаютъ». Злая женщина еретичка бросила камнемъ въ голову св. Ипатія и

убила его. Душа его отдѣлилась отъ тѣла и отлетѣла къ Богу. Одинъ крестьянинъ возлѣ мѣста, гдѣ лежало тѣло святого Ипатія, услышалъ ангельскіе голоса, нашелъ святыя мощи и узналъ епископа своего. Онъ побѣжалъ сказать о томъ жителямъ города Гангрскаго. Многіе благочестивые люди пришли и погребли святое тѣло. Женщина-еретичка, которая убила святого раскаялась. Она шла на погребеніе и била себя въ грудь, — тѣмъ самымъ камнемъ, которымъ ударила до смерти Божія архіерея св. Ипатія. Она неустанно избивала себя. И другіе еретики-убійцы жестоко мучились. Какъ только погребли святое тѣло — угодникъ Божій исцѣлилъ женщину, и она успокоилась. И всѣ убійцы перестали страдать и раскаялись. И многіе другіе больные исцѣлялись его святыми молитвами силою Господа нашего Іисуса Христа, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, честь и поклоненіе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

М. В.

"Царь ѣдетъ!"

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Оторваны мы отъ своей родины, Россіи; принуждены скитаться по свѣту и жить въ совершенно непривычныхъ для насъ условіяхъ. Такъ далеко это отъ всего, что было дорого для насъ, было родное намъ, понятное, прекрасное. Казалось, никогда, не можетъ это измѣниться и исчезнуть! И такъ понятно, что многіе начинаютъ писать свои воспоминанія. Я тоже записала кое-что изъ того, что видѣла въ своей уже долгой жизни, за время которой я пережила, конечно, много хорошаго, но и столько страшнаго и тяжелаго! Можетъ быть ты, моя дорогая крестница, Мариночка, прочтешь эти отрывки моихъ воспоминаній. И всѣ другія русскія дѣти, прочтя этотъ отрывокъ, на минуту задумаетесь и постараетесь представить себѣ эту далекую, незнакомую для васъ старую родину, о столицѣ которой Пушкинъ сказалъ: *"Красуйся градъ Петровъ и стой неколебимо — какъ Россія!"* Поколебалась Россія. Но если мы, здѣсь, и русскій народъ, тамъ на родинѣ, заслужимъ, то милостивъ Господь, помолимся чтобы смилостивился Господь и воскресилъ все хорошее, прекрасное доброе что было прежде, чтобы восторжествовала "катакомбная" церковь, чтобы возродилась Святая Русь...

Я была еще совсѣмъ маленькой. Мнѣ было года полтора, когда я стала сознавать и понимать то, что происходитъ вокругъ меня. И то, что

было тогда, навсегда запечатлѣлось въ моей памяти. Когда же мнѣ минуло четыре года, мы всѣ, кромѣ моего отца, который служилъ въ старомъ Государственномъ Совѣтѣ, переѣхали въ имѣніе папы — "Софію", въ Екатеринославской губерніи. Я попала опять въ Петербургъ только уже взрослой дѣвушкой; но, тѣмъ не менѣе, я могла точно изобразить весь планъ нашей бывшей квартиры на Караванной, на углу небольшой площади, квартиры, гдѣ я провела четыре года моего ранняго дѣтства. Я помню даже, какъ стояла мебель, гдѣ были окна и двери, гдѣ висѣли на стѣнѣ часы, картины и т. д. Это всегда очень удивляло мою маму. Помню я мою чудную старую няню, она была "ученая няня", окончившая спеціальные курсы ухода за дѣтьми. Помню ея плотную фигуру, длинныя, бѣлыя завязки ея передника, которыя я любила развязывать и управлять ими, какъ будто вожжами. Няня не поѣхала съ нами въ деревню.

Первое событіе въ моей жизни, событіе, которое я помню совершенно отчетливо и ясно, случилось незадолго до нашего отъѣзда въ имѣніе. Няня моя ушла куда-то.

Вернулась она въ слезахъ. Усадила она насъ, меня и мою старшую сестру Соню, за бѣлый большой столъ, который стоялъ у насъ въ дѣтской, молча, дала намъ по розовой "баранкѣ" и, плача и вытирая глаза, сказала намъ: "Царь умеръ" *).

Это была моя первая встрѣча со смертью. Мы молча ѣли "баранки" и смотрѣли на няню. За четыре года моей дѣтской жизни, я никогда не видѣла, чтобы строгая, но привѣтливая и всегда веселая няня моя плакала, да еще такъ горько. Не знаю, что чувствовала моя сестра, но я была глубоко поражена этими "поминками". Никогда, ни до этого, ни послѣ, мы не ѣли "баранокъ", никогда няня не была такой торжественной и особенной. Я, еще смутно, по своему, но понимала и чувствовала что-то трагическое во всемъ, что первый разъ въ моей жизни происходило передо мною.

"Царь умеръ". Не было ли это начало конца прежней нашей славной, благородной, великой Святой Россіи?..

Съ самаго ранняго дѣтства, еще до того, какъ я могла что нибудь понимать, моя чудная няня, какъ только я начинала плакать или капризничать, что случалось рѣдко, быстро брала меня на руки и спѣшила къ окну, которое выходило на площадь. "Смотри, смотри, Царь ѣдетъ!" — Такъ говорила она мнѣ, показывая какого нибудь, проѣзжавшаго мимо военнаго. И я смотрѣла жадно своими дѣтскими глазенками, стараясь разглядѣть "Царя" и тотчасъ переставала плакать. — "Царь ѣдетъ", эти два слова до сихъ поръ, даже когда я уже состарилась, какъ-то особенно торжественно звучатъ въ моей памяти.

Какъ я любила, когда няня, усадивъ меня и мою сестру около себя, обычно вечеромъ, разсказывала намъ сказки. Теперь, дѣтки, вы едва ли знаете эти русскія сказки, полныя глубокаго смысла и живыхъ воспоминаній о томъ, что давно ушло, но какъ-то сохранялось въ памяти народной.

---

*) Императоръ Александръ III.

И какъ моя няня умѣла ихъ передавать! Небольшая, какъ будто, по содержанію сказка, въ ея передачѣ оживлялась подробностями, необходимыми повтореніями нѣкоторыхъ выраженій, иногда таинственнымъ шопотомъ, захвачено было наше вниманіе. Мы были готовы слушать ее цѣлый вечеръ. И когда няня переставала разсказывать, или говорила, что пора ей идти грѣть намъ молочко, я ручонками брала ее за лицо и, поворачивая ея голову въ свою сторону, говорила: "еще, еще, няня, кончи сказку, пожалуйста". А сказка была такая длинная, длинная и такая интересная! Одинъ разъ няня, когда мы просили разсказать намъ сказку, сѣла съ нами въ нашъ укромный уголокъ и почему то задумалась. Мы молча ждали, удивленно поглядывая на нее.

"Вотъ что, дѣтки", наконецъ, сказала она: "сегодня, я разскажу вамъ не сказку, а то, что дѣйствительно было, и не такъ давно было. Я разскажу вамъ про Царя".

Я сразу насторожилась и плотнѣе прижалась къ плечу няни.

"Это было въ Петербургѣ. Огромная толпа запрудила всю Сѣнную площадь. Было здѣсь много крестьянъ, даже бабъ съ дѣтьми, и рабочихъ. Мелькали здѣсь, тамъ и сямъ, длинноволосые интеллигенты, старающіеся скрываться въ толпѣ и незамѣтно подстрекать ее. Всѣ кричали, шумѣли, волновались, выставляли какія то требованія, заглушаемыя шумомъ толпы. Въ прилегающихъ улицахъ, уже стояли наготовѣ полиція и отрядъ войскъ, ожидая приказаній. Съ каждой минутой, настроеніе становилось все напряженнѣе. — Государю доложили обо всемъ, происходящемъ на Сѣнной площади. Государь недовольно покачалъ головой. "Стрѣлять въ народъ? Зачѣмъ? Я самъ поѣду къ нимъ". — "Но, Ваше Величество . . ." Государь, не слушая, быстро всталъ и приготовился ѣхать. Черезъ нѣсколько минутъ, коляска, запряженная вороными кровными рысаками, съ любимцемъ Государя, силачемъ кучеромъ на козлахъ, уже стояла у подъѣзда дворца. Государь сѣлъ въ коляску и, безъ всякой свиты, одинъ, приказалъ кучеру ѣхать на Сѣнную площадь. Коляска легко покатилась по Петербургскимъ улицамъ. Прохожіе останавливались, снимали шапки; экипажи и извозчики, останавливаясь, старались поближе стать къ панели, чтобы дать больше мѣста проѣхать Государю.

"Царь ѣдетъ! Царь ѣдетъ!", эхомъ прокатилось по всему пути слѣдованія его, предшествуя ему. — Гулко, хотя и мягко, выстукивали могучіе рысаки свой бѣгъ по торцовой мостовой. — Около Сѣнной площади, не было никакого движенія, здѣсь только раздавался несмолкаемый гулъ толпы и выкрики ея. И вдругъ, сюда докатился, еще изъ далека, возгласъ: "Царь ѣдетъ!" Сначала, едва слышно, доносились удары копытъ рысаковъ; потомъ, все громче и громче этотъ звукъ сталъ наростать, приближаясь. — "Царь ѣдетъ". Какое-то особое чувство душевнаго подъема, напряженія, глубокаго волненія охватило толпу. Это не былъ страхъ, о нѣтъ! Толпа чувствовала себя сильной своей численностью и возбуждающими словами подстрекателей, но въ словѣ "Царь" было что-то свѣтлое, таинственное и

высокое... Шумъ и говоръ стали стихать, все смѣнило напряженное ожиданіе. "Царь ѣдетъ!"

Коляска, на полной рыси красавцевъ рысаковъ, влетѣла на площадь. Сразу, передніе ряды толпы подались инстинктивно назадъ, тѣсня остальныхъ, и образовалось свободное пространство передъ возбужденной, взволнованной толпой.

"Стой!" — приказалъ Государь. На полномъ разбѣгѣ, силачъ кучеръ осадилъ разгоряченныхъ лошадей. Государь спокойно поднялся во весь свой высокій ростъ, стройный и красивый. Слегка придерживаясь одной рукой за козлы, онъ медленно обвелъ толпу своимъ открытымъ, смѣлымъ взглядомъ. Сколько глазъ встрѣтилось съ этимъ взглядомъ? Что они прочли въ немъ? Смѣлость, рѣшимость, глубокую увѣренность въ правотѣ своего дѣла и глубокую увѣренность въ Божьей помощи. — Ни звука. Вся площадь замерла. Государь еще больше выпрямился, и по всей площади, покрытой народомъ, разнесся его ясный, сильный, повелительный голосъ: "На колѣни!" Какъ подкошенные, передніе ряды толпы упали на колѣни, роняя въ пыль шапки. За ними опустились слѣдующіе ряды, за ними другіе, и вся толпа, уже безъ шапокъ, была у ногъ Государя. А онъ, еще разъ окинувъ взглядомъ всю площадь, спокойно сѣлъ, и спокойной рысью коляска покатилась обратно, унося вѣнценоснаго героя. — Толпа же, переговариваясь въ полъ-голоса, стала быстро расходиться.

Ир. Флегинская.

ОСАННА ВЪ ВЫШНИХЪ.

Осанна въ вышнихъ! Возноситесь своды
Могучихъ Іерусалимскихъ вратъ!
Падите ницъ, спасенные народы,
Царь Кроткій входитъ... Небеса горятъ...

И пальмовыя вѣтви тихо вѣютъ
И голуби кружатся надъ толпой,
Лучей потоки жарко пламенѣютъ...
Грядетъ Пресвѣтлый, Тихій и Простой.

Онъ въ бѣлыхъ ризахъ, Озаренный, Ясный.
Онъ шествуетъ на молодомъ ослѣ.
О, Царь царей! О, Истинный, Прекрасный!
Ты Слово вѣчной жизни далъ землѣ.

Осанна въ вышнихъ, рѣютъ восклицанья.
Осанна въ вышнихъ, весь ликуетъ міръ.
Несутъ вѣтра съ небесъ благоуханья.
Синѣетъ воздухъ — блещущій сапфиръ.

М. В.

Училище благочестія

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова.

О смиреніи.

(РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ СТАРЦЕМЪ И УЧЕНИКОМЪ ЕГО).

Ученикъ. Что есть **смиреніе?**

Старецъ. Есть евангельская добродѣтель, совокупляющая силы человѣка во едино миромъ Христовымъ, превысшая человѣческаго постиженія.

Ученикъ. Когда она превыше постиженія: то какъ-же мы знаемъ о ея существованіи? тѣмъ болѣе какъ можемъ пріобрѣсть такую добродѣтель, которой и постигнуть не можемъ?

Старецъ. О существованіи ея узнаемъ, при посредствѣ вѣры, изъ Евангелія, а самую добродѣтель узнаемъ опытно по мѣрѣ пріобрѣтенія ея. Но и по пріобрѣтеніи, она пребываетъ непостижимою.

Ученикъ. Отчего-жъ это?

Старецъ. Отъ того, что она Божественна. Смиреніе есть ученіе Христово, есть свойство Христово, есть дѣйствіе Христово. Слова Спасителя: **Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ** (Мѳ. 9, 29), святый Іоаннъ Лѣствичникъ объясняетъ такъ: «Научитесь не отъ Ангела, не отъ человѣка, не изъ книги, но отъ **Меня,** то-есть, отъ Моего вамъ усвоенія, въ васъ осіянія и дѣйствія, **яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ,** и помысломъ и образомъ мыслей» (Сл. 21, гл. 3). Какъ же постичь свойство и дѣйствія Христовы? онѣ, и по ощущеніи ихъ, непостижимы, какъ и Апостолъ сказалъ: **Миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ сердца ваша и разумѣнія ваша о Христѣ Іисусѣ** (Филип. 4, 7). Миръ Божій есть и начало и непосредственное слѣдствіе смиренія; онъ — дѣйствіе смиренія и причина этого дѣйствія. Онъ дѣйствуетъ на умъ и сердце всемогущею Божественною силою. И сила и дѣйствіе ея естественно непостижимы.

Ученикъ. Какимъ сопособомъ можно достичь смиренія?

Старецъ. Исполненіемъ евангельскихъ заповѣдей, преимущественно же молитвою. Благодатное дѣйствіе смиренія весьма сход-

ствуетъ съ благодатнымъ дѣйствіемъ молитвы, правильнѣе : это — одно и то-же дѣйствіе.

Ученикъ. Не откажись изложить подробно оба способа къ пріобрѣтенію смиренія.

Старецъ. Они оба изложены въ ученіи святыхъ Отцовъ. Святый Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ, что одни, водимые Божіимъ Духомъ, могутъ удовлетворительно разсуждать о смиреніи (Сл. 21, гл. III), а святый Исаакъ Сирскій, что Святый Духъ таинственно обучаетъ смиренію человѣка, пріуготовившагося къ такому обученію (Сл. 38). Мы, собирая крохи, падающія съ духовной трапезы господъ нашихъ — святыхъ Отцовъ (Іоаннъ Лѣст. Сл. 21, гл. III), получили о смиреніи скуднѣйшее понятіе; его и сами стараемся держаться, и передавать вопрошающимъ, какъ драгоцѣнное преданіе Отцовъ. Со всею справедливостію можно назвать полученныя нами понятія о смиреніи крохами: самое сокровище, въ неисполнимой полнотѣ его, имѣетъ тотъ, кто стяжалъ въ себѣ Христа.

Преподобный авва Дороѳей говоритъ, что «Смиреніе естественно образуется въ душѣ отъ дѣятельности по евангельскимъ заповѣдямъ... Тутъ дѣлается то-же, что при обученіи наукамъ и врачебному искусству. Когда кто хорошо выучится имъ, и будетъ упражняться въ нихъ, то мало по малу, отъ упражненія, ученый или врачъ стяжаютъ навыкъ, а сказать и объяснить не могутъ, какъ они пришли въ навыкъ: потому что мало по малу душа пріяла его отъ упражненія. То-же совершается и при пріобрѣтеніи смиренія: отъ дѣланія заповѣдей образуется нѣкоторый навыкъ смиренный, что не можетъ быть объяснено словами» (Поученіе 2 о смиренномудріи). Изъ этого ученія преподобнаго аввы Дороѳея явствуетъ съ очевидностію, что желающій пріобрѣсти смиреніе, долженъ съ тщательностію изучать Евангеліе, и съ такою же тщательностію исполнять всѣ заповѣди Господа нашего Іисуса Христа. Дѣлатель евангельскихъ заповѣдей можетъ придти въ познаніе своей собственной грѣховности и грѣховности всего человѣчества, наконецъ въ сознаніе и убѣжденіе, что онъ грѣшнѣйшій и худшій всѣхъ человѣковъ.

Ученикъ. Мнѣ представляется несообразнымъ, какъ тотъ, кто со всею тщательностію исполняетъ евангельскія заповѣди, приходитъ къ сознанію, что онъ величайшій грѣшникъ? Кажется: послѣдствіемъ должно быть противное. Кто совершаетъ постоянно добродѣтели, и совершаетъ съ особеннымъ усердіемъ: тотъ не можетъ не видѣть себя добродѣтельнымъ.

Старецъ. Послѣднее относится къ дѣлающимъ мнимое добро изъ себя*), изъ своего падшаго естества. Дѣлающій такое добро

---

*) Блаженный Ѳеофилактъ Болгарскій на Евангеліе отъ Луки о мытарѣ и фарисеѣ (гл. XVIII).

по своему разумѣнію, по влеченію, и указаніямъ своего сердца, не можетъ не видѣть этого добра, не можетъ не удовлетворяться, не восхищаться имъ; самъ тщеславится имъ, и услаждается похвалами человѣческими; ищетъ, требуетъ ихъ; прогнѣвляется и враждуетъ на отказывающихъ въ похвалѣ. Онъ исчисляетъ свои добрыя дѣла: по множеству ихъ составляетъ мнѣніе о себѣ, и, по мнѣнію о себѣ, мнѣніе о ближнихъ, какъ составилъ упоминаемый въ Евангеліи фарисей (Лук. XVIII). Такого рода дѣятельность приводитъ къ мнѣнію о своей праведности, образуетъ праведниковъ, отвергаемыхъ Господомъ и отвергающихъ Господа, или только поверхностно и хладно исповѣдающихъ Его мертвымъ исповѣданіемъ (Матѳ. IX, 13). Противоположныя послѣдствія являются отъ исполненія евангельскихъ заповѣдей. Подвижникъ, только что начнетъ исполнять ихъ, какъ и увидитъ, что онъ исполняетъ ихъ весьма недостаточно, нечисто, что онъ ежечасно увлекается страстями своими, то есть, поврежденною волею, къ дѣятельности, воспрещаемой заповѣдями. Затѣмъ онъ съ ясностію усмотритъ, что падшее естество враждебно Евангелію. Усиленная дѣятельность по Евангелію яснѣе и яснѣе открываетъ ему недостаточество его добрыхъ дѣлъ, множество его уклоненій и побѣжденій, несчастное состояніе падшаго естества, отчуждившагося отъ Бога, стяжавшаго въ отношеніи къ Богу враждебное настроеніе. Озираясь на протекшую жизнь свою, онъ видитъ, что она — непрерывная цѣпь согрѣшеній, паденій, дѣйствій, прогнѣвляющихъ Бога, и отъ искренности сердца признаетъ себя величайшимъ грѣшникомъ, достойнымъ временныхъ и вѣчныхъ казней, вполнѣ нуждающимся въ Искупителѣ, имѣющимъ въ Немъ единственную надежду спасенія. Образуется у него незамѣтнымъ образомъ такое мнѣніе о себѣ отъ дѣланія заповѣдей. Съ достовѣрностію можно утверждать, что руководствующійся въ жительствѣ Евангеліемъ, не остановится принести полное удостовѣреніе въ томъ, что онъ не знаетъ за собою ни одного добраго дѣла *). Исполненіе имъ заповѣдей онъ признаетъ искаженіемъ и оскверненіемъ ихъ, какъ говоритъ святый Петръ Дамаскинъ (Доброт., ч. 3, кн. 1, статья 1). **Научи мя творити волю Твою** (Пс. 142, 10), вопіетъ онъ съ плачемъ къ Богу, ту волю, которую Ты заповѣдалъ мнѣ творить, которую я усиливаюсь творить, но не могу: потому что падшее естество мое не понимаетъ ее, и не покоряется ей. Тщетными были и будутъ всѣ мои усилія, если Ты не прострешь мнѣ руку помощи. **Духъ Твой благій**, только Онъ одинъ, **наставитъ мя на землю праву** (Пс. 142, 10). «Благое не можетъ быть ни вѣруемо, ни дѣйствуемо иначе, какъ только о Христѣ Іисусѣ и о Святомъ Духѣ» (О законѣ Духовномъ, гл. II, Доброт. ч. 1), сказалъ преподобный Маркъ Подвижникъ.

---

*) 1-я изъ утреннихъ молитвъ преподобнаго Макарія Великаго. Канонникъ.

Ученикъ. Такое воззрѣніе на себя не приведетъ ли къ унынію или отчаянію?

Старецъ. Оно приведетъ къ христіанству. Для такихъ-то грѣшниковъ и снизошелъ Господь на землю, какъ Онъ Самъ объявилъ: **Не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе** (Матѳ. IX, 16). Такіе-то грѣшники могутъ отъ всей души принять и исповѣдать Искупителя.

Ученикъ. Положимъ, что дѣятельность по евангельскимъ заповѣдямъ приводитъ къ познанію и сознанію своей грѣховности; но какъ же достичь того, чтобы признать себя болѣе грѣшнымъ, нежели всѣ человѣки, между которыми имѣются ужасные преступники, злодѣи?

Старецъ. Это — опять естественное послѣдствіе подвига. Если предъ взорами нашими находятся два предмета, и одинъ изъ нихъ мы разсматриваемъ со всевозможнымъ вниманіемъ и непрестанно, а на другой не обращаемъ никакого вниманія: то о первомъ получаемъ ясное, подробное, опредѣленное понятіе, а по отношенію ко второму остаемся при понятіи самомъ поверхностномъ. У дѣлателя евангельскихъ заповѣдей взоры ума постоянно устремлены на свою грѣховность: съ исповѣданіемъ ея Богу и плачемъ, онъ заботится объ открытіи въ себѣ новыхъ язвъ и пятенъ. Открывая ихъ при помощи Божіей, онъ стремится еще къ новымъ открытіямъ, влекомый желаніемъ Богопріятной чистоты. На согрѣшенія ближнихъ онъ не смотритъ. Если по какому либо случаю придется ему взглянуть на согрѣшеніе ближняго: то взглядъ его бываетъ самымъ поверхностнымъ и мимоходнымъ, какъ обыкновенно у людей, занятыхъ чѣмъ либо особеннымъ. Изъ самаго жительства его вытекаетъ естественно и логически признаніе себя грѣшникомъ изъ грѣшниковъ. Этого устроенія требуютъ отъ насъ святые Отцы *). Безъ такого самовоззрѣнія, святые Отцы признаютъ самый молитвенный подвигъ неправильнымъ. Братъ сказалъ преподобному Сисою Великому: Вижу, что во мнѣ пребываетъ непрестанная память Божія. Преподобный отвѣчалъ: «Это не велико, что мысль твоя при Богѣ: **велико увидѣть себя ниже всей твари**» (Алфавитный Патерикъ). Основаніе молитвы — глубочайшее смиреніе. Молитва есть вопль и плачъ смиренія. При недостаткѣ смиренія молитвенный подвигъ дѣлается удобопреклоннымъ къ самообольщенію и къ бѣсовской прелести.

Ученикъ. Вопросомъ о томъ, какимъ образомъ при преуспѣяніи въ добродѣтеляхъ можно преуспѣвать въ смиреніи, я отклонилъ тебя отъ порядка въ повѣданіи.

---

*) Преподобный Нилъ Сорскій. Слово 5, помыселъ гордостный.

Старецъ. Возвращаюсь къ нему. Въ упомянутомъ поученіи преподобнаго аввы Дороѳея приведено изреченіе нѣкотораго святаго старца, что «путь смиренія — **тѣлесные труды въ разумѣ».** Это наставленіе очень важно для братій, занимающихся различными послушаніями монастырскими, изъ которыхъ одни бываютъ тяжелы для тѣла, а другіе сопряжены съ подвигомъ душевнымъ. Что значитъ **трудиться въ разумѣ?** Значитъ — нести трудъ монастырскій, какъ наказаніе за свою грѣховность, въ надеждѣ полученія прощенія отъ Бога. Что значитъ «трудиться безразсудно?» — Трудиться съ плотскимъ разгоряченіемъ, съ тщеславіемъ, съ хвастовствомъ, съ униженіемъ другихъ братій, не могущихъ нести такого труда по немощи или неспособности, даже по лѣности. Въ послѣднемъ случаѣ трудъ, какъ бы онъ ни былъ усиленъ, долговременъ, полезенъ для обители въ вещественномъ отношеніи, не только безполезенъ для души, но и вреденъ, какъ наполняющій ее самомнѣніемъ, при которомъ нѣтъ мѣста въ душѣ ни для какой добродѣтели. Примѣръ **труда въ разумѣ,** возведшаго дѣлателя на высоту христіанскаго совершенства низведеніемъ въ глубину смиренія, видимъ въ подвигѣ блаженнаго Исидора александрійскаго. Онъ былъ однимъ изъ сановниковъ Александріи. Призванный милосердіемъ Божіимъ къ монашеской жизни, Исидоръ вступилъ въ иноческое общежитіе, бывшее невдалекѣ отъ Александріи, и предалъ себя въ безусловное повиновеніе игумену обители, мужу, исполненному Святаго Духа. Игуменъ, усмотрѣвъ, что отъ высоты сана образовался въ Исидорѣ нравъ надменный и жесткій, вознамѣрился подѣйствовать противъ душевнаго недуга возложеніемъ послушанія труднаго не столько для тѣла, сколько для больнаго сердца. Исидоръ, вступая въ общежитіе, объявилъ игумену, что онъ предаетъ себя ему, какъ отдается желѣзо въ руки ковача. Игуменъ велѣлъ ему встать и постоянно стоять при вратахъ обители съ тѣмъ, чтобъ онъ каждому входящему и исходящему поклонялся въ ноги, и говорилъ: «Помолись о мнѣ: я одержимъ бѣсомъ». Исидоръ оказалъ повиновеніе игумену какъ бы Ангелъ Богу. Пробывъ семь лѣтъ въ этомъ послушаніи и предузнавъ свою кончину изъ Божественнаго откровенія, Исидоръ скончался радостно. О состояніи души своей во время подвига онъ исповѣдалъ святому Іоанну Лѣствичнику такъ: «Въ началѣ я помышлялъ, что продалъ себя для искупленія грѣховъ моихъ, и потому съ величайшею горестію, принужденіемъ себя, какъ-бы съ пролитіемъ крови, я полагалъ поклоны. По прошествіи года, сердце мое перестало уже чувствовать печаль, ожидая награды за терпѣніе отъ Самого Бога. По прешествіи еще однаго года, я, отъ сознанія сердца, вмѣнилъ себя недостойнымъ и пребыванія въ обители, и лицезрѣнія Отцовъ, и бесѣды съ ними, и встрѣчи съ ними, и причащенія Святыхъ Таинъ: но опустивъ глаза внизъ, а образъ мыслей

еще ниже, уже искренно умолялъ о молитвѣ входящихъ и исходящихъ» (Лѣствица, Сл. 4, гл. 23, 24). Вотъ тѣлесный трудъ и послушаніе, проходимые въ разумѣ! Вотъ плодъ ихъ! Одна смиренная мысль передавала блаженнаго дѣлателя другой, болѣе глубокой, какъ бы воспитывая его, доколѣ онъ не вступилъ въ обильнѣйшее, таинственное ощущеніе смиренія. Этимъ святымъ ощущеніемъ отворено святому Исидору небо, какъ одушевленному храму Божію. «Смиреніе дѣлаетъ человѣка селеніемъ Божіимъ», сказалъ Великій Варсанофій (Отвѣтъ 210-й).

Преподобный авва Дороѳей въ началѣ своего поученія о смиреніи полагаетъ, какъ-бы краеугольный камень въ основаніе зданія, слѣдующее изреченіе одного изъ святыхъ старцевъ: «Прежде всего нужно намъ смиренномудріе, и мы должны быть готовы противъ каждаго слова, которое услышимъ, сказать **прости**: потому что смиренномудріемъ сокрушаются всѣ стрѣлы врага и сопротивника» (Поученіе 2). Въ отверженіи оправданія, въ обвиненіи себя и въ прошеніи прощенія при всѣхъ тѣхъ случаяхъ, при которыхъ въ обыкновенной мірской жизни прибѣгаютъ къ оправданіямъ и умножаютъ ихъ, заключается великая таинственная купля святаго смиренія. Ея держались и ее завѣщаваютъ всѣ святые Отцы. Это дѣланіе странно при поверхностномъ взглядѣ на него; но самый опытъ не замедлитъ доказать, что оно исполнено душевной пользы, и истекаетъ изъ Само-Истины, Христа. Господь нашъ отвергъ оправданія, не употребивъ ихъ предъ человѣками, хотя и могъ явить предъ ними во всемъ величіи Свою Божественную правду, а фарисеямъ сказалъ: **Вы есте оправдающе себе предъ человѣки, Богъ же вѣсть сердца ваша: яко еже есть въ человѣцехъ высоко, мерзость есть предъ Богомъ** (Лук. XVI, 15). **Се отрокъ Мой,** возвѣщаетъ о Господѣ пророкъ Ветхаго Завѣта, **Его-же изволихъ: возлюбленный Мой, Нань же благоволи душа Моя: положу Духъ Мой на Немъ, и судъ языкомъ возвѣститъ: не преречетъ, ни возопіетъ, ниже услышитъ кто на распутіяхъ гласа Его** (Мѳ. XII, 18-19. Исаіи XLII, 1-2). **Христосъ пострада по насъ,** свидѣтельствуетъ Апостолъ Новаго Завѣта о точномъ исполненіи пророчества, **намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его, Иже укаряемъ противу не укаряше, стражда не прещаше: предаяше же Судящему праведно** (1 Петр. II 21-23). И такъ если мы, повинные въ безчисленныхъ грѣхахъ, пришли въ монастырь, чтобъ претерпѣть распятіе за грѣхи наши одесную Спасителя нашего: то признаемъ благовременно всякую скорбь, какая бы ни встрѣтилась съ нами, праведнымъ воздаяніемъ за грѣхи наши и справедливымъ наказаніемъ за нихъ. При такомъ настроеніи прошеніе прощенія при всякомъ представившемся случаѣ будетъ дѣйствіемъ правильнымъ, логичнымъ. «Словооправданіе не принадлежитъ къ жительству христіанскому», сказалъ святый

Исаакъ сирскій (Сл. 89). Преподобный Пименъ Великій говаривалъ: «Мы впадаемъ во многія искушенія, потому что не сохраняемъ чина, подобающаго имени нашему. Не видимъ ли, что жена хананейская приняла данное ей названіе, и Спаситель утѣшилъ ее (Мѳ. XV, 27 и слѣд.). Также Авигея сказала Давиду: **во мнѣ неправда моя** (1 Цар. XXV, 24), и Давидъ, услышавъ это, возлюбилъ ее. Авгея есть образъ души, а Давидъ — Бога: если душа обвинитъ себя предъ Господомъ, Господь возлюбитъ ее». — Великаго спросили: что значитъ **высокое** (Лук. XVI, 15). Онъ отвѣчалъ: «Оправданія. Не оправдывай себя, и обрѣтешь покой» (Алфавитный Патерикъ). Неоправдывающій себя, руководствуется смиренномудріемъ, а оправдывающій — высокомудріемъ. Патріархъ Александрійскій Ѳеофилъ посѣтилъ однажды Нитрійскую гору. Гора та была мѣстопребываніемъ многочисленнаго иноческаго общества, проводившаго жительство безмолвниковъ. Авва горы былъ мужъ великой святости. Архіепископъ спросилъ его: что, отецъ, по твоему мнѣнію всего важнѣе на пути монашества? Авва отвѣчалъ: «Постоянное обвиненіе и осужденіе самого себя». Архіепископъ на это сказалъ: Такъ! нѣтъ иного пути, кромѣ этого *).

Заключу мое убогое ученіе о смиреніи прекраснымъ ученіемъ преподобнаго Іоанна Пророка объ этой добродѣтели. «Смиреніе состоитъ въ томъ, чтобъ ни въ какомъ случаѣ не почитать себя за нѣчто, во всемъ отсѣкать свою волю, повиноваться всѣмъ, безъ смущенія переносить то, что постигнетъ насъ отвнѣ. Таково истинное смиреніе, въ которомъ не находитъ мѣста тщеславіе. Смиренномудрый не долженъ выказывать свое смиреніе **смиреннословіемъ**: но довольно для него говорить **прости меня**, или **помолись о мнѣ**. Не должно также самому вызываться на исполненіе низкихъ дѣлъ: это, какъ и первое (т. е. смиреннословіе), ведетъ къ тщеславію, препятствуетъ преуспѣянію, и болѣе дѣлаетъ вреда, нежели пользы; но когда повелятъ что, не противорѣчить, а исполнить съ послушаніемъ, — это приводитъ въ преуспѣяніе» **).

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Достопамятныя сказанія и Алфавитный Патерикъ.

**) Преподобныхъ Варсанофія и Іоанна отвѣтъ 275.